

## Глава 16. День рождения.

29 июля, Поместье Лонгботтомов.

Невилл Лонгботтом с удивлением рассматривал пришедшее сегодня с незнакомой совой письмо. Каллиграфически написанный адрес поместья Лонгботтомов странно сочетался с демонстративно нечетким и замазанным чернилами обратным адресом, разобрать который было невозможно. Однако же почерк был странно знакомым, и Невилл долго ломал голову над тем, кто мог написать письмо, пока не вспомнил, что той же рукой были написаны конспекты Гарри.

Решительно сломав печать, Невилл погрузился в чтение.

«Здравствуй, Невилл

Ты сейчас наверняка удивляешься, почему я пишу именно тебе, правда? Не Рону, не Гермионе, а именно тебе. Я не хочу пока говорить о том, почему я уехал из Англии на длительный срок, — я знаю, что ты не владеешь окклюменцией, которую я теперь изучаю под руководством наставника. А без этого умения Дамблдор вытащит из твоей головы слишком много того, что ему лучше пока не знать. Скажем так, я решил прожить один год своей жизни вдали от ненавидящих меня родственников, распланировавшего мою жизнь директора и прячущихся за моей спиной от величайшего темного мага столетия наивных обывателей. Я вернусь в Англию не раньше, чем через год, на шестой курс, а до этого момента буду делать все, чтобы подготовиться к грядущим в стране событиям, думаю, ты понимаешь, о чем я.

Ты и Луна — вот те два человека в Хогвартсе, кому я по-настоящему доверяю. Чтобы не говорить в письме лишнего — попроси свою бабушку рассказать о тех странностях, которые она видит в моей жизни после Первой войны. Надеюсь, ты не разочаровался во мне, после того как я сказал, что планирую вернуться только через год, и еще напишешь мне. Скоро я пришлю тебе адрес того места, куда можно направлять письма.

Твой друг, Гарри Поттер. »

Невилл покрутил письмо в руках, но, так ни до чего и не додумавшись, отправился к бабушке.

Августа Лонгботтом, постаревшая, но все еще очень крепкая женщина, сильная волшебница и просто проницательный человек, внимательно изучила протянутое ей письмо и задумалась.

— Это значит, что твой друг решил играть самостоятельно, а не под чью-то указку. — Задумчиво протянула она.

— А что он имел в виду, когда говорил про «странности»? — Невилл серьезно посмотрел на бабушку.

— Очень метко подмечено... Именно «странности». После того, как Лорд убил Джеймса и Лили Поттеров, на роль опекунов ребенка претендовало множество благородных семейств. Да что там, даже Алиса и Френк могли бы взять его в свой дом и воспитать как достойного потомка Поттеров. А после их... недееспособности... то же самое хотела сделать и я.

— Но он ведь до 11 лет прожил у маглов?

— В этом одна из странностей. Я не знаю, как Дамблдор стал опекуном Гарольда. Я не знаю, почему лучший друг Поттеров без суда сел в Азкабан. Сначала его словам о кровной защите

родной крови некоторые даже поверили, но когда спохватились — след ребенка был потерян.

— Это все, что ты можешь сказать, бабушка?

— Нет... Если внимательно посмотреть все газетные публикации с того Хеллоуина, то, даже когда схлынуло общее ликование от победы над Темным Лордом, кто-то очень старательно не давал людям забыть, кому они обязаны спасением. Статьи, фотографии, книги по произошедшему в ту роковую ночь, да даже популярная когда-то кукла Гарри Поттер. Из твоего друга усердно лепили национального героя... Но вот кому это нужно и зачем... — Она в сомнении помотала головой. — Никто в действительности не знает, как погиб Вольдеморт. Но книги пишутся, правда самого Гарри ни разу не спросили о событиях той ночи. Даже о шраме Поттера люди узнали только из газет. А живую его до 11 лет не видел никто, кроме двух-трех вернейших сторонников директора и, возможно, Сириуса.

— Еще... странным является то, что до заявления в прессе Дамблдора никто в точности не знал, что произошло в Годриковой лощине в тот роковой вечер. Знали только, что Темный лорд погиб. Если бы директор действительно хотел полной безопасности для ребенка Поттеров — то заявил бы, что Вольдеморта убили Джеймс и Лили, тогда на фоне чествования павших героев исчезновение их сына или взятие его под опеку нейтральной семьей ускользнуло бы от внимания большинства игроков. А так, после заявления директора, мальчик стал самым известным и разыскиваемым человеком в стране.

— Но зачем? — пробормотал Невилл.

— Сложно сказать... Дамблдор ничего не делает просто так, — ответила Августа. — Видимо, уже тогда он знал или догадывался о чём-то, в чем ему может пригодиться последний Поттер.

Августа Лонгботтом подошла к старинному шкафу и достала из него резную шкатулку темного дерева. Порывшись среди лежавших там украшений, она вытащила простое серебряное кольцо.

— Это когда-то принадлежало моему мужу. Он был сильным магом и, что встречается гораздо реже, — достойным человеком. Но прежде всего он был ученым, из-под палочки которого вышло немало фамильных артефактов. Кольцо создает в твоём сознании своеобразную защиту, подсовывая попыткавшемуся тебя прочесть легилименту бессвязные обрывки мыслей. Прочитать в разуме человека, носящего это кольцо, хоть что-то осмысленное, не сумеет даже самый сильный легилимент. Носи его в Хогвартсе не снимая.

Невилл с некоторым трепетом надел кольцо деда на палец. Чуть уменьшившись в размерах, оно плотно обхватило палец, так что снять его просто так было нельзя.

Тот же день. Дом Ксенофилиуса Лавгуда.

— Папа, я получила письмо от Гарри Поттера. — Луна Лавгуд, одетая в совершенно нормальное платье и аккуратно причесанная, что вызвало бы удивление у всех ее Хогвартских знакомых, помахала перед лицом Ксенофилиуса распечатанным конвертом.

— Да, солнышко? — Редактор газеты «Придира», при дочери не считавший нужным играть привычную роль человека со странностями, защищавшую его самого, семью и издаваемую газету от любых нападок, внимательно изучил конверт. — И что он написал?

— Смотри сам. — Луна протянула отцу лист обыкновенной бумаги.

«Здравствуй, Луна.

Как поживают твои мозгошмыги и прочие интересные существа, о которых мы иногда беседовали? Надеюсь, с ними все в порядке.

Ты, наверное, тоже удивишься, как и Невилл, которому я отправил почти такое же письмо, что я пишу именно вам двоим, а не моим так называемым «лучшим друзьям». Я пишу довольно откровенно, потому что знаю, что даже Дамблдор не рискнет читать твои мысли, защищаемые мозгошмыгами. Мне бы такие защитники тоже не помешали, когда я вернусь в Хогвартс через год, честное слово. Прости, что не смогу вместе с тобой прогуляться по запретному лесу, но в качестве компенсации обещаю позвать на День смерти Безголового Ника, одного из хогвартских приведений, — думаю, тебе там понравится. Если захотите вместе с Невиллом узнать, как в действительности относятся ко мне Рон и Гермиона с Джинни, скажите в разговоре с ними, что по слухам, я завещал все деньги рода Поттеров детским приютам и детям-сиротам — и вы увидите много интересного на их лицах.

Надеюсь, ты простишь мне, что сейчас я нахожусь далеко от своего личного врага, от прячущихся за моей спиной от него обывателей и от манипулятора-старика, и потом сможешь мне писать о том, как у вас обстоят дела.

Твой друг, Гарри Поттер.»

— Твой друг на удивление деликатен, по сравнению с остальными учениками. — Ксенофилиус, прочитав письмо, улыбнулся. — Как он мягко и необидно сказал, что даже Дамблдор не рискнет забраться в мысли Полоумной Лавгуд, которую ты играешь в Хогвартсе.

— Интересно, что он имел в виду, говоря про отношение к нему друзей? — Луна, точно так же дома снимавшая маску Полоумной, наморщила лоб.

— Думаю, вы с Невиллом узнаете все, как только встретитесь с ними в поезде. — Лавгуд потрепал дочь по волосам. — А теперь иди, я должен дописать статью.

Тот же день. Где-то в Лондоне.

Рита Скитер тщательно изучила пришедший с совиной почтой конверт — при её отношениях с фигурировавшими в статьях скандальной журналистки людьми, она не удивилась бы, обнаружив какое-нибудь гнусное проклятье в письме. Однако выдержавший все проверки конверт оказался безопасным, и журналистка осторожно щипцами сломала запиравшую письмо фигурную сургучную печать, на всякий случай отвернувшись и зажав глаза.

Ничего страшного, тем не менее, не произошло, письмо не взорвалось, из него не брызнул какой-нибудь яд и не вылетело проклятье. И Рита Скитер, потряхивая обесцвеченными кудряшками, вытащила письмо и приятно позвякивающий, уменьшенный с помощью магии мешочек, увеличив и вскрыв который, она обнаружила солидную сумму золотом, сравнимую с её гонораром за две-три популярных статьи.

«Госпожа Скитер, — говорилось в письме, — Я предлагаю вам, как несомненному профессионалу в области прессы, небольшую сделку. Вы пишете о том, о чем я вас попрошу, прислав вам соответствующие подтверждающие документы, колдографии или воспоминания, а я, в свою очередь, достойно оплачиваю труды самой известной журналистки магической Англии. Обещаю не обделять вас сенсационными материалами, на которые вы, к тому же, получите эксклюзивные права.

Гарри Поттер, ваш самый преданный читатель.

P.S. В прилагаемом мешочке вы найдете доказательства моей серьезности.

До возможной скорой встречи. »

В недоумении покачивая головой, журналистка сожгла письмо, тщательно растерев оставшийся от него пепел. Предстоящий год обещал быть очень интересным.

30 июля 1995 г. Дом семьи Уизли.

— Как ты думаешь, Гарри вернется в школу 1 сентября? — Гермиона Грейнджер, не отрываясь от очередного толстого талмуда с совершенно непонятным для непосвященных названием, задала беспокоящий её вопрос.

— Надеюсь, этот самовлюбленный герой приедет, ведь там будем мы, его друзья. — Рон с некоторой насмешкой произнес эту фразу.

— Завтра день рождения Гарри... — протянула Гермиона. — Интересно, стоит ли ему писать, чтобы напомнить о себе?

— Мама говорила, что совы не могут найти, где он спрятался. Она обмолвилась, что Поттер отдыхает сейчас на курорте где-то в Америке, то ли Южной, то ли Латинской.

— Ро-о-он... Ну это же одно и то же, — Гермиона подскочила на стуле, оторвавшись от фолианта. — Как можно быть таким необразованным?!

— Герми, хватит... — Уизли поморщился. — Подумай лучше о том, раз ты у нас такая умница, как подлить ему зелья в Хогвартсе... Ведь он так и не приехал в Нору этим летом.

— Ну... Думаю, Джинни сможет это сделать, — девушка засмеялась. — Вечером, в гостиной, две чашки ароматного чая, ждущая у камина рыжеволосая красавица.

Рон захохотал.

— Сама придумала?

— Нет, это строки из одного магловского романа, — на мгновение смутившись, ответила девушка.

— Никогда бы не подумал, что ты можешь читать что-то кроме твоих толстых книг с непонятными названиями, — заявил рыжий, и тут же скатился со стула, уклоняясь от брошенной в него подушки.

— Рональд Биллиус Уизли, — Гермиона казалась довольно сильно рассерженной. — Как ты можешь так безответственно относиться к собственному образованию?

Рон понял, что последние его слова были совершенно лишними, но было уже поздно.

Ночь с 30 на 31 июля 1995 г. Поместье Делакуров.

После бала и последовавшего за ним объяснения с Жан-Клодом и Флёр, мое расписание вновь вошло в привычное русло. Утром — тренировки с Киараном, иногда вдвоем, иногда к нам присоединялась Флёр. И постепенно я начинал втягиваться в занятия, в ходе которых Киаран медленно, но неуклонно повышал нагрузку. Заклинания аврорской школы, которые мы отработывали, мало-помалу получались все более хорошо, и, оглядываясь на себя-

четверокурсника, я мог сказать, что достиг определенных успехов, хотя впереди меня ждал еще год тренировок и учебы.

После обеда каждый день я встречался с кем-то из учителей: по этикету волшебного мира, по истории, теории магии, танцам, французскому языку. Последний, благодаря колоссальному количеству влитых в меня зелий памяти, за эти два месяца всё же сдался. И теперь, хоть я и не производил впечатления коренного француза, но, по крайней мере, вполне свободно мог выразить свои мысли, что очень обрадовало Флёр.

Наши отношения с Флёр тоже слегка изменились — ставшая гораздо более мягкой девушка будто светилась изнутри, а я, при взгляде на нее, чувствовал, что сжавшиеся внутри ненависть и жажда мести, направленные на Темного лорда и Дамблдора, как будто растворяются в потоке положительных эмоций. Правда, с каждым днем становилось все сложнее удерживать самоконтроль над выходящим из повиновения телом, когда мы с Флёр оставались наедине. И, как я заметил, Флёр испытывала те же самые трудности, так что предстоявший нам год ожидания обещал быть очень напряженным. Киаран, с которым я в итоге все же осмелился посоветоваться, покраснев при этом до самых корней волос, сначала ехидно захохотал, но потом показал пару упражнений из курса окклюменции, которые помогали мне сдержаться в самые тяжелые моменты.

— Воспринимай это еще и как практику защиты мыслей, — аврор дружески улыбнулся мне. — Хотя, признаю, ты меня удивил, — мало кто в твоём возрасте способен думать в такой ситуации мозгами, а не тем, что ниже пояса.

Так что мой учитель, в добавление к упражнениям, еще и поднял нагрузку, заявив, что остальные проблемы перестанут меня беспокоить, когда у меня не будет на них сил.

— Теперь твоя задача — стараться поддерживать пассивный щит вокруг своего тела. Чем дольше ты будешь это делать, — тем быстрее увеличится тот поток энергии, который ты способен пропускать через себя.

Написанные совместно с Жан-Клодом три письма — моим настоящим друзьям и Скитер — давно ушли к адресатам, теперь оставалось ждать. Скитер в течение года будет получать от меня и от собиравших информацию людей партии Делакура и Сириуса просто колоссальное количество «жареных» фактов, которые не дадут расслабиться ни длиннородному долькоеду, ни продажному Корнелиусу Фаджу.

Легкий, еле слышимый бой часов, стоявших в углу моей комнаты, показал, что наступило 31 июля, и мне исполнилось 15 лет. С тихим хлопком в комнате материализовался один из домовых эльфов, Трикси.

— Мистер Бриттон, — эльфы теперь тоже называли меня по фамилии Джеймса. — Домовик рода Блеков доставил вам поздравления и подарки от своего хозяина. — Позади домовика в воздухе висели несколько свертков и писем.

— Спасибо, Трикси. — Я погладил домовика по морщинистым ушам. Какой бы продажной тварью ни была Мисс-Я-Все-Знаю, но доброе отношение к эльфам, исповедуемое ею, было полезно. С этими загадочными маленькими существами всегда лучше дружить. — Передай их домовику мою искреннюю благодарность.

Маленький эльф исчез, а я, перебравшись на ковер ближе к свету маленького камина, вскрыл первый подарок, судя по размашистому почерку — от Сириуса.

Однако выпавшая из свертка книга вызвала у меня не только удивление, но и некоторое смущение. «Половое воспитание подростков» — явно магловское название, но картинка на обложке, изображавшая обнаженных парня и девушку в недвусмысленной ситуации, слегка смутила меня. К книге прилагалась записка от крестного.

«Гарри, крестник, прости, что мы все еще не можем увидеться лично. Дамблдор почти каждый день приходит в мой дом и пытается подловить меня, не утаивая ли я от него что-то важное. Его не останавливает даже то, что во время визитов директора в особняк его действия контролирует вся активная защита, настроенная на предельную мощь. Видел бы ты его лицо в эти моменты!

Раз уж я просидел столько лет в Азкабанах, и не смог выполнять все приятные обязанности крестного отца, то я решил немного наверстать упущенное. Вряд ли чертвы Дурсли просвещали тебя на эту тему, а в Хогвартсе, кроме дешевых журналов «для взрослых», наверняка ничего такого нет. Да и директор скорее удавится, чем допустит хоть каплю «развращающих неокрепшие умы» знаний в школу. В дни моей молодости некоторых детей просвещала школьная медсестра, которую раздражала необходимость постоянно варить противозачаточные зелья для старшекурсниц, но... Лучше почитай книгу, которую я прислал — маглы иногда пишут весьма умные вещи.

Сириус

P.S. можешь показать книгу своей будущей невесте, только закройте дверь покрепче».

М-да, шутник Сириус в своем репертуаре, и окончательно оправился от заключения в Азкабанах. Решив, что Флёр не увидит эту книгу ни при каких обстоятельствах, я убрал её подальше в шкаф, снова вернувшись к подаркам.

Когда я уже хотел разорвать обложку на небольшом свертке, подписанном аккуратным, округлым почерком профессора Люпина, раздался тихий стук в дверь, и в мою комнату проскользнула Флёр, сразу сделав мир вокруг светлее.

— С днем рождения! — теплое женское тело, прижавшееся ко мне, тут же выбило все мысли из головы, кроме неистового желания. Но... упражнения Киарана оказались полезными, и я все же сумел удержаться в рамках приличий, просто крепче обняв стройную талию.

— Спасибо, — единственное, на что хватило дыхания, как только в голове немного прояснилось после долгого-долгого поцелуя.

Отойдя на пару шагов, я посмотрел на чуть засмущавшуюся от моего взгляда девушку, в очередной раз поражаясь, что такая красавица выбрала среди всех, наверняка многочисленных претендентов, именно меня. Одета в короткое белое платье, с растрепавшимися по плечам волосами, в туфельках на босу ногу, Флёр была прекрасна, даже без не действовавшей на меня вейловской привлекательности.

— Почему ты так смотришь на меня каждый раз, Гарри, — щеки Флёр слегка тронул румянец.

— Потому что каждый раз удивляюсь, что такая девушка могла найти во мне. — Я поцеловал подставленные губы.

— Глупый, — когда воздух в легких закончился, и мы оторвались друг от друга. — Кого же еще я могу выбрать?

Сев рядом со мной на ковер, она сняла с шеи тонкую цепочку с медальоном и протянула мне.

— Через месяц ты уедешь в Шармбатон на учебу, и мы будем видеться не каждую неделю. Я хочу, чтобы у тебя всегда было рядом напоминание обо мне.

Открыв медальон, я увидел внутри колдографию задорно улыбающейся девушки, а потом одел еще хранящий тепло тела Флёр медальон на свою шею.

Отдышавшись после нового поцелуя, мы вдвоем стали открывать оставшиеся нераспечатанными подарки. Ремус и, как ни странно, Уилфрид Валленштайн, прислали свои поздравления.

Вскрыв сверточек Ремуса, мы увидели маленький, мерцающий всеми цветами радуги флакон с воспоминаниями и записку.

«Гарри,

Я подумал, что такой подарок от друга твоих родителей будет наиболее уместным с моей стороны. В этом флаконе — часть моих воспоминаний о тех временах, когда Джеймс и Лили учились в Хогвартсе. Не суди нас строго — тогда все мы были еще детьми.

С любовью, Ремус Люпин».

Я прижал к себе этот эфемерный, но такой драгоценный подарок, на глаза невольно навернулись слезы.

— Они смотрят на тебя с небес и радуются, что ты вырос. — Флёр обняла меня, стараясь взять часть боли на себя.

Наконец, успокоившись, я взял в руки длинный и тяжелый сверток, присланный Валленштайном через Сириуса. К подарку прилагался свиток, исписанный угловатыми, будто готическими буквами.

«Мистер Поттер.

Узнав от Лорда Блека, что именно благодаря вам я смог существенно осложнить жизнь неуважаемому мной Альбусу Дамблдору, я решил лично написать вам и поблагодарить. Некогда Дамблдор, поддерживавший в то время Гриндевальда, убил моего отца, за смерть которого я долгое время не имел возможности отомстить. Благодаря Вам, моя месть частично свершилась. Если когда-либо в ближайшие годы, пока я являюсь членом Трибунала, у Вас возникнет необходимость провести разбирательство в Международном Трибунале — я всегда буду готов помочь.

Примите, в знак благодарности, этот кинжал. Он сделан из ядовитого клыка василиска, некогда убитого моим отцом. К сожалению, даже парный этому кинжал не смог помочь отцу выдержать бой с двумя сильнейшими магами Европы того времени. Не беритесь за лезвие ни при каких обстоятельствах, а лучше — всегда используйте прочные перчатки из драконьей кожи.

Уилфрид Валленштайн».

Я аккуратно развернул сверток и достал оттуда сначала пару перчаток из мягкой, глянцево поблескивающей кожи, а потом — длинный кинжал в простых серых ножнах. Надев перчатки,

я осторожно потащил кинжал из ножен, обнажая черное лезвие, покрытое какими-то белесыми и коричневыми прожилками, остро пахнущее, опасное, обещающее смерть любому, кого коснется.

Флёр слегка поежилась, глядя на кинжал. Я так же осторожно вложил его обратно в ножны и завернул сверток.

— Завтра на тренировке покажу его Киарану.

Следующий час мы провели гораздо более приятным образом, не переходя, впрочем, определенной черты, так что даже если бы в комнату вдруг зашел отец Флёр, то не заметил бы ничего предосудительного, кроме разве что слегка припухших от поцелуев губ девушки.

<http://tl.rulate.ru/book/69499/1848527>